

Центральноазиатская интеграция в контексте единого культурно- цивилизационного пространства

Еркин Байдаров
09 сентября 2013
Научная статья

Почти двадцать лет после распада Советского Союза крупнейший историко-культурный регион, издавна связывавший Европу с Западной и Восточной Азией, в качестве своей самоидентификации избрал для своего географического «адреса» кальку с англоязычного понятия «Central Asia». Во многом это было связано с тем, что новые независимые государства Центральной Азии тем самым раз и навсегда решили предать забвению наследие советской эпохи, когда единое цивилизационное, этнокультурное, геополитическое целое, именовалось – «Средняя Азия и Казахстан». Несмотря на то, что известная американская исследовательница Марта Брилл Олкотт в своей брошюре «Revisiting the Twelve Myths of Central Asia» («Пересматривая двенадцать мифов о Центральной Азии») приходит к выводу, что единое цивилизационное целое Центральной Азии представляет собой миф, автор в свою очередь предлагает рассматривать этот регион именно под этим углом зрения, анализируя положение дел в настоящем и будущем.

В эпоху глобализации развитие центральноазиатского социума характеризуется многократным усложнением его региональной структуры и расширением этнокультурных связей, а также возрастающей зависимостью от действий внешних факторов. С одной стороны, характер и результаты модернизации определяют направление и становление глобального мира, с другой стороны, глобализация вносит существенные корректировки в процессы модернизации, став ведущим процессом социальной трансформации, а модернизация отдельных обществ – ее следствием.

В отличие от глобализации, истоки противоречия которой кроются в попытке объединить разновозрастные структуры в более сложную структуру – мировую цивилизацию, *регионализация* – это внутренняя интеграция в целях сохранения самостоятельности национальных рынков, этнокультурного своеобразия и т.д., где регион – *культурноцивилизационное понятие*. Являясь относительно самостоятельным, он абсолютно не самодостаточен как *подсистема* глобальной целостности и вне её взаимосвязи и взаимообусловленности – просто территория. Отсюда – проблема способов межрегиональных взаимосвязей.

В XXI веке региональная интеграция становится отличительной чертой мирового развития. В культурноцивилизационном отношении заслуживающим внимания представляется идея создания Союза Центральноазиатских Государств (СЦАГ). Эта идея, выдвинутая Президентом РК Н.А. Назарбаевым еще в феврале 2005 года, является, по сути, возрождением идеи туркестанского федерализма. Ее яркими представителями были такие лидеры национального движения народов региона как М. Шокай, М. Бехбуди, Т. Рыскулов, А. Фитрат, С. Ходжанов и др.

Несмотря на то, что данная инициатива не нашла поддержки у Узбекистана (в отличие от Кыргызстана и Таджикистана), можно предположить, что роль региональных экономических связей в дальнейшем будет только усиливаться. С одной стороны, успех экономического регионализма должен укрепить сознание принадлежности к *одной* цивилизации. А с другой – экономический регионализм может быть успешным, только если он коренится, как отмечал С. Хантингтон, в *общности* цивилизации.

Глобализация вызывает определенные риски для государств Центральной Азии. Однако, не все негативные тенденции в экономике, обществе и государстве следует относить за счет процессов глобализации. Верна и обратная ситуация – не все успехи связаны только с интеграционными процессами. Глобализация является только инструментом, конечно, несколько тяжеловесным, но довольно эффективным в плане развития.

В этих условиях в современном центральноазиатском социуме происходит противоречивая и сложнейшая трансформация одной социальной системы в другую, одних социальноравственных ценностей в другие. И на фоне этих кардинальных изменений идёт коренная перестройка сознания, мышления, глубинная ломка норм и правил, стереотипов поведения, образа жизни.

К сожалению, страны региона лишь частично относятся к индустриальным обществам, для которых характерен *вторичный* сектор экономики: промышленность, занимающаяся переработкой сырьевых ресурсов и изготовлением различных товаров. При этом современная Центральная Азия – это один из самых обеспеченных в мире энергоресурсами регион. Так, например, согласно международным источникам Казахстан по запасам нефти занимает 8 место в мире (3,4% мировых запасов нефти, или 39,62 биллиона баррелей). На долю Туркменистана приходится более 4% (4,3%) мировых запасов газа. По добыче угля региону принадлежит 10 место в мире, он лидирует по запасам черных и редких металлов. По добыче более 30-ти из них находится на 1-20 позиции. По совокупному производству золота (Узбекистан – 90 тонн, Кыргызстан – 24, Казахстан – 18,9) занимает 9 место. Очевидно, что, обладая подобными масштабами, объединив ресурсы, Центральная Азия могла бы стать самообеспеченным и развитым регионом с достойным уровнем жизни населения.

Для эффективного противодействия издержкам глобализации страны Центральной Азии должны усилить кооперацию в рамках региональной интеграции, чтобы не остаться на периферии мировых экономических процессов в качестве сырьевой базы. Фактически речь идет о выживании стран региона и их становлении как самостоятельных экономических и политических игроков.

Глобализация ставит перед государствами региона, ориентированными на иные, нежели западные, ценностные основания, задачу вписаться в современные глобальные процессы, сохраняя при этом свои специфические традиционные ценностные ориентиры, где духовная культура, как совокупность разума и чувства, знаний и этики, является универсальной движущей силой человеческого развития.

Уровень развития духовной культуры в решающей степени влияет на уровень культуры производства, культуры потребления, физической, медицинской и экологической культуры, культуры быта, культуры межличностных и международных отношений. Культурный потенциал общества определяет способность государств обеспечить динамичное и безопасное развитие своих стран в условиях новых вызовов.

В современной Центральной Азии развитие культуры в условиях глобализации связано с двумя идеологическими составляющими. Первое это формулируемая и претворяемая в жизнь с той или иной степенью жесткости идея национального возрождения. Претворение этой идеологии национального возрождения и развития дает в центральноазиатском регионе большой разброс вариантов – от ложного отрицания западного опыта, как, например, до недавнего времени в Туркмении, до системы свободного поликультурного развития народов в Казахстане с возрождением этнических традиций и продолжением культурного опыта предыдущего социалистического этапа развития.

Вторая идеологическая составляющая культурных процессов в Центральной Азии – активно действующая идеология глобализма, проникающая через каналы массовой культуры и формирующая их. Естественно, что и в этой линии развития мы также наблюдаем в регионе разнообразные варианты действия глобальных тенденций и осознания их роли в культуре различных стран.

В этих условиях насущной задачей культурноцивилизационного развития народов региона на современном этапе является сохранение системы ценностей, которую выработали за многие годы их предки, четко ответить на вопрос о будущем своих стран, найти свою национальную идентичность,

тем самым вернуть базовые культурноцивилизационные ориентиры, дать гражданам уверенность в завтрашнем дне. В плане же региональной интеграции это путь к культивированию центральноазиатского единства. Только детализированное и тонкое почитание культурных традиций, идущих из глубины веков, способно утвердить новые формы политического мышления, ориентированного на высокие духовные идеалы, в противовес как отмечал знаменитый испанский философ Хосе Ортега и Гассет *«остужающей рациональности»* .

Культурноцивилизационное обновление государств Центральной Азии должно стать приоритетным в его дальнейшем развитии через систему выработки у нее качества жизнеспособности и стремления к совершенствованию. Однако, сегодня с сожалением приходится констатировать, что уровень жизни и социальная защищенность, показатели здоровья, уровень образования и культурного развития населения, состояние преступности и охраны окружающей среды в Центральной Азии в числе худших в мире. Так, согласно Докладу ООН о развитии человека в 2011 году только Казахстан оказался в списке стран с высоким уровнем развития – 68 место, в то время как Узбекистан, Кыргызстан и Таджикистан входят в список стран со средним уровнем развития человеческого потенциала занимая соответственно – 115, 126 и 127 места. Богатый газом Туркменистан занял в этом списке – 102 место.

Современные процессы глобализации сопровождаются не только региональной интеграцией, они порождают дезинтеграцию на региональном, локальном уровне, служат причиной нарушения внутреннего равновесия открывающихся миру обществ. Ослабление и разрушение старых форм коллективной, этнической, территориальной и социальной идентичности закладывает основу для формирования новой структурной неоднородности и социальной дифференциации. Отсюда потребность не только в геополитическом и геоэкономическом, но и в ее культурноцивилизационном измерении. Его парадигму можно выделить словами С. Бенхабиб: «Культура стала сейчас повсеместно употребляться синонимом идентичности». Так, в сознании центральноазиатского социума (прежде всего его политической элиты) до сих пор глубоко сидит мысль о национальной идентичности, которая тормозит интеграционный процесс. В Кыргызстане, Туркменистане, Узбекистане, Казахстане процесс формирования национальных символов идет полным ходом. Причем вокруг них строится и универсальная идеология, способная сформировать широкую социальную базу существующих режимов. Так, в Конституции Кыргызстана содержатся ссылки на героя национального эпоса – Манаса и провозглашенный экс-президентом Кыргызстана А. Акаевым тезис – две тысячи двести лет кыргызской государственности. Нынешний президент А. Атамбаев продолжил эту политику, заявив, что: «Реальный Манас создал кыргызский каганат и объединил всех». Этот каганат, по словам А. Атамбаева, начинался от Байкала, Томска, Красноярска и доходил до Тибета, охватывая Центральную Азию. В Узбекистане с подачи президента И. Каримова на роль национального героя выдвинута фигура Тимура (Тамерлана), а созданная им империя – основой узбекской государственности. В Туркменистане вспоминают Парфянскую империю, на былое величие которой должна опираться страна. В Казахстане таким символом благодаря усилиям историков-непрофессионалов (и не только историков) стал сам великий «потрясатель Вселенной» Чингисхан. А в Таджикистане, представляющем собой своеобразный «арийский островок» в «море турок», президент Э. Рахмон активно пропагандирует арийскую цивилизацию, стоящую у истоков современного таджикского государства. Так, 2006 год был объявлен в Таджикистане Годом арийской цивилизации, а в июле 2006 г. прошла встреча лидеров трех государств – преемников данной цивилизации (Афганистана, Ирана и Таджикистана). Все это явилось попыткой руководства Таджикистана создать в регионе альтернативную идею в противовес идее пантюркизма. Таким образом, современные тенденции самоидентификации народов Центральной Азии приобрели ярко выраженный социокультурный характер.

Для превращения Центральной Азии в современную региональную цивилизацию с целостной идеологией необходимо усилить аксиологический подход в интерпретации и рационализации народами региона своего места в истории, которая должна опираться на признанную и выверенную идею историзма, исключая борьбу за звание «древнейшего», «культурнейшего» в стандартизированном по западной модели цивилизационном проекте.

Культурноцивилизационная система не может развиваться в произвольно выбранном направлении, она приемлет лишь те инновации, которые способствуют ее имманентному развитию и отторгает все, что ему противоречит. Она имеет определенный критический порог внутренних изменений, при выходе за который перестает быть сама собой, когда теряется ее внутренняя идентичность, *самотождественность*.

При этом следует подчеркнуть, что в условиях глобальной трансформации всех сторон жизнедеятельности центральноазиатского социума, интеграция ни в коем случае не имеет целью нивелирование национальной идентичности (язык, культура, обычаи и нравы). Данный феномен затрагивает и такие области государственного суверенитета, как оборона, внешняя политика, безопасность, коммуникации, транспорт, экономика.

Идентичность может содержаться в истории, традициях, языке, литературе, музыке и фольклоре. Именно на этой основе строится идентичность европейских стран. Чувство сопринадлежности, формирующееся под влиянием культуры, является важным фактором интеграционного процесса. Идентичность включает в себя такие факторы как национальное самосознание, общие интересы и ценности, исторический опыт, религиозный фактор.

В условиях жесткой борьбы экономических зонцивилизаций выживают и успешны лишь крупные общности. Альтернативы интеграции тюркоязычных государств Центральной Азии (включая сюда и *ираноязычный* Таджикистан) в природе просто не существует. Платформой объединения может быть общая идентичность (*региональная идентичность*), своя тюркская цивилизация (с примесью *персидскотаджикской*) и история. Это необходимое условие деколонизации тюркских народов. Только лишь объединившись экономически, технологически и духовно в самодостаточный суперэтноцивилизацию, можно адекватно реагировать на вызовы глобализации и проводить политику в своих интересах (Н. Амрекулов). В этом аспекте особо хотелось бы выделить мнение великого писателя Ч. Айтматова, который в одном из своих последних интервью подчеркнул, что «историческая общность, языковое сходство, наличие общих традиций, обычаев дает нам неисчислимые возможности для того, чтобы быть вместе и сообща строить новый мир, единое цивилизационное сообщество» .

В эпоху *«после идеологии»* различия в культуре вышли на первый план, тем самым размывая фундамент глобализирующегося мира. Если прежде принадлежность к иным цивилизациям признавалась вопросом различия, то в настоящее время эта принадлежность становится центральным звеном мировоззрения. При этом, как замечает российский ученый А.И. Уткин, подлинными основами бытия ныне «оказываются цивилизационные основания, т.е. группирование не против страны X, не за страну Y, не вокруг Z, а вокруг фактов своей истории и географии, в нише своей культурноисторической, цивилизационной общности». Важно при этом отметить, что бурный процесс глобализации, навязываемый Западом по своим образцам всем остальным цивилизациям, на рубеже тысячелетий столкнулся с той ситуацией, когда эти цивилизации противопоставляют ему выработанные веками традиции, ментальные и геополитические коды, историкокультурную память, моральные и религиозные нормы и каноны. Именно с позиций этой целостности следует принимать уже сегодня глобальные решения всем государствам Центральной Азии, входящим в нее, координировать и интегрировать свои усилия. В связи с этим обретает актуальность выбор *центральноазиатского варианта глобализации*.

При этом, устойчивость цивилизации предполагает наличие определенного культурного ареала, характеризующегося не только пространственными границами, часто достаточно размытыми, но и совокупностью характерных культурных феноменов, материальных и духовных ценностей, определяющих специфику и сущность данной цивилизации: язык, религия, искусство, традиции, обычаи и др. Устойчивость проявляется и передается не только посредством объективных форм, но и глубинными психологическими механизмами, связанными с определенными поведенческими и психическими стереотипами, духовной идентификацией, коллективными представлениями общества.

Очевидно, что интеграция жизненно необходима странам региона. Однако, в отличие от потенциальных возможностей интеграции ее реальные возможности в настоящее время, к сожалению, невелики, поскольку превалируют узко национальные интересы каждой из стран региона, а разнонаправленность и неадекватность экономических преобразований в странах региона пока в большей мере обуславливают дезинтеграцию.

Поэтому взаимоотношения между некоторыми государствами региона правильнее было бы обозначить как несколько напряженные, чем дружественные и партнерские. Однако в регионе объективно существует много проблем, одинаково актуальных и значимых для каждого государства. Исходя из этого, тенденция к сближению государств региона по многим позициям за последние годы становится очевидной. Многообразие походов к формам установления партнерских отношений друг с другом не является препятствием к осознанию странами Центральной Азии важности упрочения

взаимосвязей. Сегодня это облекается в плоть различными двухсторонними, многосторонними договорами о совместных действиях в политической, экономической, культурной и других сферах, хотя реальная отдача от них пока не ощущается.

Идея центральноазиатской интеграции на современном этапе пока не реализуется в полной мере. Как правильно отмечает казахстанский исследователь С. Кушкумбаев, в условиях независимости страны постсоветской ЦА в настоящее время и в перспективе будут проходить испытания, при которых основным узловым аспектом для самих государств региона и внешних игроков станет апелляция к национальным интересам.

Любой интеграционный процесс может натолкнуться на дилемму, возникающую между экономикой и геополитикой: если первая стремится к интеграции национальных экономических стратегий, то вторая начинает деформировать интеграционные процессы, поднимая из глубин памяти те или иные притязания (этнонациональные, территориальные и другие), которые не вписываются в нормы и понятия стабильного и поступательного историкоэкономического процесса. Результатом подобного столкновения геополитических условий развития неизменно становится истощение политических ресурсов и возникновение ряда конфликтных зон. Существующие барьеры отчасти связаны со сложными процессами культурноцивилизационного самоопределения государств региона. Это часто проявляется в противопоставлении социотворческих преимуществ номадической и оседлой культур, подпитывающей в определенной мере чувство недоброжелательности, ведет к усилению тенденции взаимного отчуждения.

Поощрение такого опыта взаимного отчуждения идеологами стран региона выглядит парадоксальным и непрагматическим. Распространение такой мифологической волны примордиалистского национализма в рассматриваемом пространстве, где всегда чувствовалось преобладание эмоционального мышления над рациональным, волеиневолей мешает отдаче приоритета диалоговому характеру взаимодействия культур населяющих его народов.

Несмотря на политические границы, народы региона живут в одном культурноцивилизационном пространстве, имеют общие традиции, культуру, религию и историю. Естественно, разделить историческое, культурное и цивилизационное наследие региона невозможно. Это достояние принадлежит всему населению нашего общего культурноцивилизационного пространства. Понимание этого направляет нас к новым идеям в отношении региональной интеграции для того, чтобы расширить наши представления относительно ее возможностей.

End of document

Carnegie Endowment for International Peace

1779 Massachusetts Avenue NW
Washington, DC 20036-2103

Phone: 202 483 7600
Fax: 202 483 1840

Contact By Email

© 2019 All Rights Reserved

Share this selection

- Tweet
- Facebook
- Facebook

-
-